

Отец...

Маркус Агирре

После превращения прошло несколько дней, которые он провёл в своей комнате, практически не выходя из неё, и совершая набеги на столовую исключительно ночью, когда никого там не было. Он был гиеной, он превратился в это животное, и теперь ему казалось, что на него могут все смотреть, смеяться и дразнить, показывая на него пальцем. И если внешне ничего не изменилось, то застрявший в глазах страх и ужас говорил об обратном. Он уже перестал быть человеком, и теперь приходилось делиться с животным. Принять это не получалось.

Он не знал, что ему делать, с кем поговорить, но чувствовал, что до него никому нет дела. Он был всего лишь избалованным мальчишкой, который никого не ценит и не любит, и с ним никто не хотел возиться. Только подраться и швырнуть куда-то. Он помнил тот разговор с сестрой, и понимал, что нужно попросить у неё прощения. И извиниться перед её мужем. Но с японцем было страшно разговаривать. Потому что японец мог ещё раз ударить. Потому что японец его с самого начала невзлюбил.

У него была высокая температура, но он боялся к кому-то обращаться. Его ненавидят, ему не будут оказывать помощь. Он никому не нужен. И... он не нужен даже отцу. Страшно. Что делать?

Сегодня он всё-таки вышел из комнаты. Светило солнце, была хорошая погода, но в душе было что-то непонятное. Он не мог понять, что происходит, и от этого становилось страшно. Он просто бездумно гулял по территории, а потом вдруг услышал голос сестры. Она говорила что-то про отца, кажется, он попал в больницу. Это известие резануло по его груди острым кинжалом, и стало по-настоящему страшно. "Что-то с сердцем". Он вернулся в свою комнату.

Через час он вышел из комнаты, держа в руках небольшой лист бумаги, сложенный в четыре раза, и направился к дому сестры. Глубоко вздохнул и, вздрогнув, постучался в дверь. Вида он был неважного, бледное и осунувшееся лицо, в глазах был страх и ещё что-то, чего раньше не было. Раскаяние? Мольба о помощи? Он просто передаст письмо, ведь они скоро уезжают отсюда, и наверняка навещат отца. И передадут ему небольшую записку от него, на которой написано всего одно слово. Слово, которое он произнести не может, боясь, что оно может что-то нарушить в его душе. *Прости...*

Тору Мотидзуки

Постепенно, время их небольшого отпуска подходило к концу. В Пекине его снова ждала работа, а с учетом новостей, которые они выяснили сегодня во время похода в деревню, им не следовало сильно задерживаться, чтобы поскорее навещать в больнице дядю Яреци, у которого, во время его поездки в китайскую столицу, начались проблемы с сердцем. Всю дорогу до дома, жена только и делала, что перемалывала эту тему, думая, стоит ли рассказывать об этом Маркусу, на что сам Тору оставил решение за ней, сообщив, что без его присутствия она со своим непредсказуемым братцем общаться не будет.

Вернувшись домой, он первым делом залез в душ, чтобы смыть пот после дороги и таскания на себе Кимико, пока Яри с дочкой отправились грабить столовую. Усталости практически не чувствовалось, но вот желание идти сегодня куда-то еще у него отсутствовало, поэтому Тору, освежившись и вернувшись поближе к родной кровати, планировал провести вечер за прекрасным ничегонеделанием, которым ему оставалось наслаждаться совсем недолго, поскольку в том же Пекине он не мог позволить себе лишний раз расслабиться.

От обдумывания этих "глобальных" планов его отвлек стук в дверь, и Тору, немного удивляясь, что кто-то неожиданно решил заглянуть к ним в гости, пошел открывать дверь, обнаруживая на пороге не самого свежего вида Маркуса, впервые решившего "осчастливить" их своим присутствием.

- И что же тебя привело? - немного помолчав, спросил он. Просто так пускать в дом проблемного мальчишку ему не хотелось, поэтому он пока не делал приглашающего жеста, внимательно разглядывая странного визитера. С тем явно творилось что-то странное, и Тору сильно надеялся, что двоюродный брат Яреци не собирается снова демонстрировать ему превращение в гиену или еще какие-нибудь малопривлекательные фокусы.

Маркус Агирре

Дверь открылась достаточно быстро, и на пороге появился муж сестры. Этого следовало ожидать, ведь вряд ли бы дверь открыла Яреци. Маркус сильно вздрогнул и опустил голову. Посмотрел на сложенный лист бумаги, который держал в руке, и сглотнул. Было страшно, что его сейчас прогонят и скажут, что Яреци никогда больше не захочет иметь с ним ничего общего. А вдруг они узнали, что Маркус ходит тут неподалёку, и придумали, что с его отцом что-то случилось? Неизвестно, правда, зачем. Но, наверное, пусть это будет мстью.

- Я... - он сжал руку с письмом и поднял голову. Посмотрел на японца и снова вздрогнул, вспомнив, как тот его чуть не придушил. Почему не придушил? Ах, он же превратился в гиену и чуть что-то не натворил. Он опустил голову и закрыл глаза. - Я случайно услышал, что с ним... с отцом что-то случилось. Я... передайте это, пожалуйста, Яреци. Возможно, она передаст это дяде, если навестит его...

Голос был тихий и неуверенный, он слегка дрожал, и молодой человек чувствовал себя как-то странно. Он приготовился к тому, что его сейчас вышвырнут из дома, вернув эту записку.

Тору Мотидзуки

Какое-то время мальчишка не мог выжать из себя ничего вразумительного, и Тору даже уже подумал было начать скучать, как тот все же умудрился его удивить своей покладистостью и некоторой тенью раскаяния, столь неожиданной на обычно нахальном или недовольном лице.

- Я, конечно, передам. Мне не жалко... - Тору на какое-то время замолчал, буравя гостя взглядом, а потом, все-таки продолжил свою мысль. - Но, может, ты спросить чего хочешь? Если что, история с твоим отцом - это правда. Только сегодня узнали.

Он все никак не мог понять, действительно ли Маркуса "переключило", и он начал вести себя как нормальный человек или парню в голову пришла очередная "гениальная" идея, вроде той, с втиранием Яреци в доверие с целью украсть деньги ее отца. Выглядел мальчишка искренним, но, с учетом того, что он еще несколько дней назад всех поливал грязью, незадолго до своего первого превращения, Тору не решился бы демонстрировать ему свое доверие. Он хорошо помнил, что во время истории с освобождением Яри и Джуна Маркус тоже казался многое для себя осознавшим, а потом все снова вернулось на круги своя, выпуская на свободу ненадолго ушедшую на покой не самую приятную сущность двоюродного брата Яреци.

Маркус Агирре

- Я... да, передайте, пожалуйста, - проговорил он, снова поднимая голову и глядя на мужчину. Ему от этой ситуации было немного не по себе, и он не знал, что делать. С одной стороны, хотелось уйти, ведь он здесь лишний, его здесь никто не ждёт, да и не будет он тут никому нужен. Единственный человек, которому он мог быть нужен - это его мать, которая умерла сразу после его рождения. Так он считал всю жизнь. Но с другой... он чувствовал, что после этого превращения что-то изменилось.

Мужчина сказал, что это правда. Маркус был уверен, что этот человек шутить не любит, и оттого становилось ещё страшнее и больнее. Он сглотнул и вздрогнул. Страх липкой холодной волной прошёлся по его телу, оставляя в душе что-то непонятное, и Маркус испугался. Неужели с отцом действительно случилось что-то страшное?

- Он... ему... - голос надломился, и он опустил голову, зажмурившись. - Передайте ему это... пусть он поправляется, - выдавил он из себя наигранно спокойным голосом. Нельзя, ни в коем случае нельзя подавать вида, что ему страшно. Этим непременно воспользуются, и это будет использовано против него. Он сглотнул. Нужно уйти, нельзя мешать им. Но почему-то он словно прирос к крыльцу. Он и сам не знал, чего добивается и вообще зачем это делает...

Тору Мотидзуки

- Раз ты уверен - передадим, - Тору забрал записку, совершенно не интересуясь ее содержанием. В конце концов, это было совсем не его дело, о чем там мальчишка собирался общаться с отцом. И, в принципе, на этом он мог бы закончить разговор, закрыть дверь перед носом Маркуса и больше не задумываться о чужих проблемах. Но что-то его останавливало. И это что-то очень сильно напоминало о его собственной размолвке с отцом, приведшей к затянувшемуся на долгие годы отчуждению, закончившемуся лишь со смертью Мотидзуки Рэна.

- Может, ты сам ему это скажешь? - не выдержав, добавил он. - А я бы занялся чем-то более интересным, чем работа почтальона.

Конечно, передать записку не составляло труда, поскольку они с Яреци и так собирались навестить ее дядю. Но, как ему казалось, отцу было бы приятнее увидеть сына, а не клочок бумаги, поскольку как бы Рикардо Агирре не злился на своего бестолкового отпрыска, вряд ли он мог окончательно выбросить его из своего

сердца. По крайней мере, его собственный отец так и не смог, в чем ему довелось убедиться по возвращению в Японию после долгого отсутствия.

Маркус Агирре

Он настроился на то, что перед ним захлопнется дверь, а записка будет порвана в клочья. Но этого не произошло, что заставило его вздрогнуть и зажмуриться. Голос мужчины отдавался в сознании, и он вздрогнул

- Я... не знаю... наверное, он не захочет меня видеть, ведь он сам выгнал меня, - прошептал Маркус наигранно спокойным тоном, будто это его совершенно не беспокоило. Он старался не вспоминать о том, что отец ему тогда говорил, избивая. Он боялся.

Сейчас он боялся, что отцу станет не очень хорошо. Это была не корысть, но ему все равно никто не поверит, а посему следует, что не нужно никому ничего говорить о своих чувствах к отцу. Ведь только сейчас, стоя на крыльце дома сестры и её мужа, он понял, что боится, что с отцом что-то случится. И он не успеет сказать ему "прости". Хотя это слово Маркус никогда не говорил, он просто не знал это слово. В школе он никогда не использовал это слово, да и тогда не было никакого монастыря и зверя, который рвался наружу. А сейчас... что-то поменялось в его душе. Что-то сильно изменилось, и он испугался этих изменений.

- Я... но... он же поправится? - через какое-то время спросил он.

Тору Мотидзуки

Тору так и не понял, переживает ли мальчишка из-за решения отца от него избавиться или жалеет о потере сытой и обеспеченной жизни. Но, в любом случае, тот должен был быть неправ, предполагая нежелание Рикардо Агирре его видеть. Возможно, дядя Яреци какое-то время и сам так думал, только вот серьезные проблемы со здоровьем нередко напоминали немолодым людям о возрасте и порождали страх не успеть высказать близким все, что хотелось. Поэтому, по мнению Тору, если Маркус искренне желал примириться с отцом, то ему стоило воспользоваться ситуацией и с ним поговорить, а не действовать окружающим на нервы своими глупыми просьбами.

- Я же не доктор. Откуда мне знать? Съезди, да и разберись, что там творится. Заодно и выясни, готов отец с тобой общаться или нет.

Тору не стал озвучивать, что для жизни дяди Яреци никакой угрозы нет. Он не нанимался успокаивать мальчишку от которого не видел практически ничего хорошего. А еще, где-то в глубинах сознания, его продолжала мучить мысль, что история, произошедшая между ним и отцом, не должна повторяться у других. Поэтому, несмотря на свою нелюбовь к Маркусу, Тору старался побудить его к активным действиям, способным как-то склеить разбитые семейные отношения, если, конечно, это еще можно было сделать.

Маркус Агирре

- Я... мне... - только и мог проговорить молодой человек, выдержав небольшую

паузу. Наверное, муж Яреци был прав, и ему следовало самому поехать к отцу, встретиться с ним и попросить прощения. Только вот с этим у Маркуса были очень большие проблемы - попросить прощения. Он никогда ни у кого не просил прощения и совершенно не представлял, как это делается. Просто сказать "прости"? Не легче ли написать на бумаге?

Он помялся ещё немного на пороге, а потом глубоко и горько вздохнул и отступил на шаг. Наверное, надо было заканчивать этот разговор, бесполезный с любой стороны. Вот только он не знал, что делать дальше. У него нет совершенно денег, чтобы добраться до Пекина, и он не представляет, что делать. Конечно, можно было попросить у Тору или сестры денег, но он не удивился бы, если бы ему не только не дали денег, но и выгнали.

- Спасибо. И... извините за беспокойство, - произнёс молодой человек, почему-то не уходя и не двигаясь с места. Хотя надо просто уйти. Потому что он никому не нужен. Наверное, отцу он тоже не нужен.

Тору Мотидзуки

Мальчишка вел себя, на удивление, вежливо. В их предыдущие встречи Маркус или откровенно хамил или трясся от страха, поэтому подобные перемены заставляли Тору думать, что во время первого превращения тот знатно приложилась обо что-то головой, раз сейчас начал разговаривать, как нормальный человек, а не как избалованный гаденыш. И, что самое интересное, вместо своих обычных попыток держаться от него подальше, парень продолжал торчать на пороге, даже несмотря на слова, подразумевающие прощание, и чего-то ждать, не объясняя причины своего поведения.

- Ты еще что-то от меня хочешь? - не удержавшись задал вопрос Тору, которому порядком надоело торчать у двери, когда уже давно можно было развалиться на кровати. - Что-то спросить или попросить? Например, денег на дорогу?

Он знал об отсутствии у Маркуса средств к существованию. В Китае его какое-то время спонсировал Моррис, пока мальчишка не отправился в монастырь. А после он нигде и не работал, чтобы иметь достаточные средства на дорогу до Пекина, поэтому версия с деньгами показалась Тору вполне реалистичной и не лишенной под собой почвы.

Маркус Агирре

Он привык, что он никогда никому не был нужен. Его всегда прогоняли, но раньше у него были деньги и какая-то власть, которыми он беззастенчиво пользовался. Были в его жизни и легкие наркотики, и самые разные девочки, и богатство. Отец всегда откупался от него деньгами, и парень никогда не ценил человеческую жизнь. Он вообще ничего не ценил, и это казалось ему чем-то правильным.

Но сейчас в жизни что-то поменялось. То ли из-за превращения, то ли из-за чего-то другого, но он теперь был сильно напуган. Он понимал, что до сих пор никому до него нет дела, но сейчас его никто не выгонял. Почему его не прогоняют?

- Не нужны мне ваши жалкие подачки, - прошипел он и, грубо вырвав из руки

мужчины записку, развернулся, чтобы отправиться восвояси. Он не знал, чего хотел добиться. Наверное, надо было поехать к отцу, поговорить с ним, но он боялся. Глубоко вздохнув, он направился к жилым корпусам..

Тору Мотидзуки

Тору всегда считал людей весьма иррациональными существами. Особенно некоторых темпераментных европейцев или, как в данном случае, мексиканцев. Поэтому поведение Маркуса хоть и показалось ему лишенным какого-либо смысла, не вызвало у него особого удивления. Копаться в мотивах парня он не собирался, поэтому просто пожал плечами, когда тот вырвал у него из рук записку и ушел, проводил его взглядом, а затем, закрыл входную дверь и направился в спальню к возделенной кровати, на которой собирался самым наглым образом дожидаться возвращения Яреци и Кимико. В столовую они ушли примерно в то же время, что он залез в душ, так что уже очень скоро должны были вернуться, позволяя провести приятный семейный вечер, лишенный каких-либо бытовых забот и, как он надеялся, неожиданных гостей.
